

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова

Лев Толстой, высоко ценивший Николая Лескова за своеобразие языка, ум и оригинальность, назвал его «писателем будущего». Максим Горький, восхищаясь лесковской верой в неиссякаемую народную талантливость, ставил автора знаменитых рассказов в один ряд с крупнейшими классиками и считал, что с годами у нас его будут все больше ценить. Художественное предчувствие их не обмануло. Ныне автор «Лешши», «Тупейного художника», романа-хроники «Соборяне», «Очарованного странника», «Запечатленного ангела», «Леди Макбет Мценского уезда», «На краю света», «Человека на часах» и других жемчужин русской литературы — один из самых читаемых и почитаемых в народе. Его своеобразная проза, близкая по звучанию и краскам к стихам, естественно и прочно вошла в современный читательский обиход.

В двадцатые годы артисты, выступая на клубных сценах, обращались к образам и картинам Лескова, подчеркивая их сатирическую соль, создавая на основе его сюжетов веселые и красочные народные зрелища. В пору Великой Отечественной войны знаменитый лесковский сказ о тульском умельце Левше, подковавшем «аглицкую блоху», стал своего рода притчей-молвой. Помню, как на Смоленщине, в лесу прифронтовом, читался «Левша», как солдаты-однопольчане, улыбаясь, повторяли слова неунывающего мастера: «... у нас так глаз пристрелявши».

Нынешний литературный год по праву называют лесковским. Мы отмечаем столетие писателя, а также сто лет с того времени, когда впервые (1881 год) был напечатан «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе», воспринимавшийся как гимн мастерственности, смекалке и героизму тех, кто все делает своими руками. Сравнительно небольшим по размерам произведению была суждена редкостно-счастливая литературная судьба. Напомню, что изначальная публикация «Лешши» сопровождалась подзаголовком «Цеховая легенда». Едва ли не первым Николай Лесков обратился к живому устному творчеству мастера-люда, обратив всеобщее внимание на емкость, осязаемость и точность его языка, на несметные богатства профессионального фольклора. Это обращение дало богатейшие плоды.

Лесковское отношение к родному слову мы можем остро ощутить в шолоховском «Тихом Доне» или в «Русском лесе» Леонида Леонова. Есть примеры и более «узкого» использования опыта автора сказа о стальной блохе. Напомню о северных сказах Бориса Шергина, выросших на почве поморских былин, устного слова мореходов-корабельщиков, земле-

проходцев и рыбаков, о сверкающей уральскими самоцветами «Малахитовой шкатулке» Павла Бажова, вобравшей в себя горнозаводские рабочие предания. Есть чем гордиться литературе наших дней!

Творчество Николая Лескова необычайно разнообразно. Критика долгое время видела в нем бытописателя, увлекающегося словесными излишествами, тяготеющего к анекдоту. Жизнь опровергла эти упрощенные представления. Для верного понимания сложной судьбы художника многое сделала наша литературоведческая мысль, указав на народные основы творчества Лескова. Теперь нам вполне очевидно многоголосие его повестей-легенд, сказаний, хроник, притч, происшествий, портретов. При чтении также возникает ощущение, что автор работает кистью, создавая «плавность предивного художества». Убежденный реалист, он стал открывателем лаконичных жанров, складывающихся в его творчестве в яркую художественную мозаику.

Кем бы ни был лесковский

природной средой. «А ночь была самая темная, какую только можете себе вообразить. В лете, знаете, у нас около Курска бывают такие темные ночи, но претеплейшие и премягкие: по небу звезды как лампы навешаны, а понизу темнота такая густая, что словно в ней кто-то тебя шарит и трогает».

Разговорная интонация, присущая повествовательному стилю Лескова, объединяет человека и природу, делая их единым целым. Житейские мелочи, в изобилии которых упрекали некогда Лескова, и так называемые «лексические украшения» носят на самом деле довольно условный характер. Они грани той художественной призм, которая дает возможность увидеть многое.

Рисую образы сильных и независимых людей, творец широко известных «Соборян» так характеризовал только ему присущую манеру письма: «Постановка голоса у писателя заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с алтов на басы... Я внимательно и много лет при-

особенно отчетливо слабости большого художника. Нельзя закрывать глаза на внутреннюю противоречивость его творчества. Постоянно и страстно интересуясь практической жизнью, принадлежа по характеру дарования к шестидесятиникам, Лесков активно, но далеко не всегда удачно вмешивался в журнальные polemiki. Идеалы молодых поколений были теснейшим образом связаны с именами Чернышевского, Добролюбова, Писарева, обладавшими уже в ту пору необыкновенной притягательной силой. Лесков, пытаясь найти общий язык с демократическим лагерем, знал и тягостные просчеты. Вместе с тем художественная ткань его произведений, пропитанная реалистическими наблюдениями, отталкивала умозрительную призрачность, пробиваясь к правде, к картинам невыдуманной действительности, по-своему оттеняла авторское искажение проблем, волновавших передовую общественность. Современного читателя ошибочные тенденции Лескова не могут ввести в заблуждение, ибо он, читатель, обогащен опытом истории.

Творчество Лескова принадлежит к числу постоянно развивающихся художественных явлений. Его живое сказительство, речевая полифония, красочность, остроумие и меткость языка, а главное, несравненные образы простых людей, его выразительные социальные типы делали и делают свое великое литературное дело, оказывали и оказывают влияние на движение отечественной словесности.

Примечательная особенность жизни творений Николая Лескова еще и в том, что его герои постоянно привлекают к себе внимание соседствующих искусств. Лесковские книги иллюстрировались такими выдающимися мастерами, как Борис Кустодиев, Мстислав Добужинский, Дмитрий Митрохин, ныне живущий Николай Васильевич Кузьмин, старейшина московского цеха графиков-оформителей, чьи работы отмечены артистизмом. В тридцатых годах на сюжет лесковской «Леди Макбет Мценского уезда» написал оперу Дмитрий Шостакович. Полюбили неунывающие герои Лескова мастерам Палеха, Мстеры, уральским резчикам камня...

Герои Лескова, запечатленные в слове, пребывают в ладу с новыми поколениями, радуя нас своей жизнеутверждающей силой, умением преодолевать трудности и препятствия, любовью к делу, неутомимой изобретательностью, находящей выражение в искрометном слове, что бьет изпод самого сердца.

Евгений ОСЕТРОВ.

На снимке: Дом-музей Н. С. Лескова в Орле.
Фото В. Волкова.

персонаж, на какой бы социальной ступени он ни находился, каким бы делом он ни занимался, он всегда говорит собственным голосом, будь то «Амур в лапоточках» или правдолюбец Савелий Туберозов, богатырь Иван Флягин или мятущаяся Катерина Измайлова; каждый из них — незаурядная личность, влюбом из них — на пиру действительности — «тысяча жизней горит». Редко знает словесное искусство сгущенность подобной художественной силы! Один из его вечных рассказчиков говорит: «...а больше всего люблю людей бодрых, счастливых и веселых». Но жизнь была полна драм, видимых и невидимых миру слез. Считая, что достоинством человека — ни при каких обстоятельствах — нельзя поступаться, Николай Лесков стремился показывать положительных людей, одержимых «беспокоем», ищущих справедливости любой ценой. Не боялся писатель и бунтарских страниц, когда речь шла о социальной истине.

У лесковских героев всегда действенные, сокровенные отношения с окружающей их

слушивался к выговору и приношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному». Объявив жестокую войну словесной засухе и неосмысленной канцелярщине, Лесков искал вещественности и красочности стиля, имеющего предельно содержательный характер. Изустное начало обнаруживается в выборе и постановке слов, в синтаксических оборотах, характеристиках, портретах, да и в композициях произведений. Блестящие и остроумные импровизации Лескова отличаются полнейшей житейской непринужденностью тона и всегда выливаются в образы высокого художества. Показывая трагизм положения талантов из народа, их противостояние бездушным «куклам», олицетворяя условия социальной несправедливости, писатель высмеивал и нарождавшихся тогда буржуазных дельцов, чья алчная одержимость представлялась ему «чертогом», бессмысленным и опасным поклонением золотому тельцу.

На расстоянии лет видны